

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С97

J. D. Salinger

FRANNY AND ZOOEY

(c) 1955, 1957, 1961 by J. D. Salinger
Copyright renewed 1983, 1985 by J. D. Salinger

Перевод с английского Максима Немцова

Оформление серии «Культурная классика»
Натали Ярусовой
Оформление серии «Pocket book»
Андрея Саукова

Сэлинджер, Дж. Д.

С97 Фрэнни и Зуи / Дж. Д. Сэлинджер ; [пер. с англ.
М. Немцова]. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
224 с.

ISBN 978-5-04-092478-3 (Культурная классика)

ISBN 978-5-04-092477-6 (Pocket book)

Писатель-классик, писатель-загадка, на пике карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся вдали от мирских соблазнов в глухой американской провинции. Его книги, включая культовый роман «Над пропастью во ржи», стали переломной вехой в истории мировой литературы и сделали настольными для многих поколений бунтарей: от битников и хиппи до представителей современных радикальных молодежных движений. Повести «Фрэнни» и «Зуи» по праву входят в золотой фонд сокровищницы всемирной литературы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-092478-3
ISBN 978-5-04-092477-6

© М. Немцов, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Чуть ли не в духе Мэтью Сэлинджера¹, возраст один год, когда он навязывает сотрапезнику остывшую лимскую фасолину за обедом, я побуждаю своего редактора, наставника и (да помогут ему небеса) ближайшего друга Уильяма Шона², *genius domus*³ «Нью-Йоркера», любителя несбыточных ставок, покровителя неплодовитых, защитника безнадежно цветистых, неразумно скромнейшего из прирожденных редакторов-художников, принять эту довольно тощую на вид книжицу.

¹ Мэтью Сэлинджер (р. 1960) — сын Дж.Д. Сэлинджера и Клер Дуглас, ныне американский актер телевидения, театра и кино (в частности, известный заглавной ролью в фильме «Капитан Америка», 1991).

² Уильям Шон (1907—1992) — главный редактор (1952—1987) журнала «Нью-Йоркер».

³ Гений дома (*лат.*), дух-хранитель домашнего очага.

ФРЭННИ

Хотя ярко светило солнце, субботнее утро опять требовало пальто — не плаща, как всю неделю, когда надеялись, что на важных выходных, когда играет Йель, погода будет такая же. Из двадцати-с-чем-то молодых людей, ожидавших на вокзале прибытия своих девушек поездом в десять-пятьдесят-две, только шесть-семь стояли на холодной открытой платформе. Остальные толпились простоволосыми дымными кучками в натопленном зале ожидания и беседовали так, что голоса их почти без исключения звучали школярски беспрекословно, точно каждый юноша, едва ему наставал черед вклиниться в беседу, прояснял раз и навсегда некий в высшей степени противоречивый вопрос, в коем весь остальной необразованный мир вызывающе — или же наоборот — барахтался много столетий.

Лейн Кутелл в плаще «Бёрберри»¹, к которому, видимо, была пристегнута теплая подкладка, стоял среди тех шести-семи на открытом перроне. Хотя, скорее, стоял с ними — и не с ними. Уже

¹ «Бёрберри» — английская фирма элитной одежды и аксессуаров, основана в 1856 г.

минут десять, а то и больше он старательно держался подальше от их беседы, спиной опирался на стойку с литературой «Христианской науки»¹, руки без перчаток держал в карманах. Кашемировый шарф свекольного цвета сбился у него на шее и почти не грел. Вдруг — и довольно рассеянно — Лейн извлек правую руку из кармана и стал поправлять шарф, но не успел — передумал, той же рукой достал письмо из внутреннего кармана пиджака. И тут же принялся читать, не вполне закрыв рот.

Письмо было написано — отпечатано — на бледно-голубой почтовой бумаге. Вид у него был потертый, несвежий, словно из конверта его уже не раз извлекали и перечитывали:

Наверно вторник

Дорогой мой Лейн,

даже не представляю сумеешь ты это расшифровать или нет потому что гвалт в общаге какой-то невообразимый и я даже не слышу о чем думаю. Поэтому если я что-то напишу неправильно будь так добр по-доброму не обрати внимания. Кстати я послушалась твоего совета и в последнее время часто обращаюсь к словарю, поэтому если стиль испортился ты виноват. В общем я только

¹ «Христианская наука» — протестантская секта, основанная Мэри Морс Бейкер Эдди (также Мэри Бейкер Гловер Эдди, 1821—1910) в 1866 г. сначала как движение, затем как самостоятельная церковь (1879). Основана на вере в духовное излечение от всех физических и духовных грехов и недугов с помощью Слова Христова.

что получила твое прекрасное письмо и люблю тебя вдребезги, до безумия и т.д., жду не дождусь выходных. Жалко что не получится поселить меня в Крофт-Хаусе, но мне вообще-то все равно где жить только бы там было тепло и без клопиков и мы виделись бы время от времени, т.е. каждую минутку. Я в последнее время схожу т.е. с ума. Я совершенно обожаю твое письмо, особенно часть про Элиота. Наверно я уже смотрю свысока на всех поэтов кроме Сафо. Я ее читала как безумная, и, пожалуйста, без пошлостей. Семестровую я может даже буду писать по ней если пойду на отличие и заставлю согласиться на такое этого недоумка которого мне назначили руководителем. «Киферея, как быть? Умер — увы! — нежный Адонис! Бейте, девушки, в грудь, платья свои рвите на части!»¹ Изумительно же правда? И она все время так. Ты меня любишь? Ты в своем ужасном письме ни разу не сказал. Я тебя ненавижу когда ты безнадежно весь такой из себя мужчина и неконтактный (так пиш.?). Ну не совсем ненавижу а по складу своему против сильных молчаливых мужчин. Не то чтобы ты сильный но ты меня понял. Тут уже такой гам я даже не слышу о чем думаю. В общем я тебя люблю и хочу отправить тебе это срочной почтой чтобы ты заранее получил если только найду марку в этом дурдоме. Люблю люблю люблю. А ты вообще знаешь что я с тобой за одиннадцать месяцев танцевала всего дважды? Не считая того раза в «Авангарде» ког-

¹ Пер. В. Вересаева.

да ты был такой зажатый. Я наверно буду безнадежно стесняться. Между прочим я тебя убью если там гостей пропускать будут по очереди. До субботы, мой цветочек!!!

Люблю тебя очень,

ФРЭННИ XXXXXXXXXX XXXXXXXXXX

П.С. Папа получил из больницы рентгены и нам всем стало сильно легче. Это опухоль но не злокачественная. Я вчера вечером поговорила с мамой по телефону. Между прочим она передает тебе привет, поэтому насчет той пятницы можешь расслабиться. Вряд ли они даже слышали как мы вечером зашли.

П.П.С. В письмах тебе я наверно выгляжу такой неумной и придурочной. Почему? Разрешаю тебе проанализировать. Давай попытаемся в эти выходные изумительно провести время. То есть не будем пытаться в кои-то веки проанализировать все до смерти, если можно, особенно меня. Люблю тебя.

ФРЭНСИС (ее знак)

Лейн на сей раз дошел почти до середины письма, когда его прервал — к нему вторгся, перешел его границу — дородного сложения юноша по имени Рэй Соренсон: ему хотелось выяснить, в курсе Лейн, о чем пишет этот гад Рильке, или как. И Лейн, и Соренсон ходили на «Современную европейскую литературу 251» (только для старшекурсников и дипломников), и на понедельник им задали четвертую «Дуинскую элегию». Лейн знал

Соренсона только шапочно, однако лицо и поведение этого типа его смутно и недвусмысленно отталкивали, и он теперь убрал письмо и ответил, что не знает наверняка, но думает, что по большей части в курсе.

— Везуха, — сказал Соренсон. — Счастливый ты. — В голосе его звучал минимум живости, точно Соренсон подошел от скуки или раздражения, а не ради нормального разговора. — Господи, какая холодрыга, — сказал он и вытащил из кармана пачку сигарет. Лейн заметил вытертый — но глаз цеплял — след губной помады на лацкане Соренсонова верблюжьего пальто. Наверняка он там уже много недель, а то и месяцев, но с Соренсоном Лейн знаком не то чтобы очень, не тыкать же в это носом, — да и, говоря вообще, Лейну плевать. Кроме того, подходил поезд. Юноши повернулись как бы полувлево, к локомотиву. Почти сразу двери зала ожидания с грохотом распахнулись, и те, кто грелся внутри, повалили навстречу поезду: при этом казалось, будто у большинства в каждой руке минимум по три зажженные сигареты.

Когда поезд начал тормозить, Лейн и сам закурил. Затем, уподобляясь многим, кому, быть может, стоит выдать лишь весьма условное разрешение на встречу поездов, попробовал слить с лица какое бы то ни было выражение, что могло просто-напросто — и даже, наверное, живописно — выдать, как он относится к той, кого встречает.

Фрэнни вышла из поезда в числе первых — из вагона у дальнего, северного конца перрона. Лейн

ее заметил сразу же, и, что бы ни пытался он сделать со своим лицом, рука его, что взметнулась ввысь, явила всю правду. Фрэнни эту руку — и его самого — заметила и преувеличенно замахала в ответ. На ней была шубка из стриженного енота, и Лейн, зашагавший к девушке быстро, однако с медленным лицом, подавляя возбуждение, рассудил, что он тут один, кто поистине *знает* шубку Фрэнни. Он вспомнил, что как-то раз в занятой у кого-то машине, нацеловавшись с Фрэнни за полчаса или около того, он чмокнул и отворот ее шубки, словно тот был совершенно желанным, живым продолжением Фрэнни.

— Лейн! — Она приветствовала его сердечно — уж ей-то ничего не пришлось напускать на лицо. Обхватила юношу руками и поцеловала. То был вокзальный поцелуй — сначала достаточно спонтанный, но в продолжении своем довольно сдержанный, отчасти вроде с неким даже взаимосталкиванием лбами. — Ты получил мое письмо? — спросила она и добавила почти без передышки: — Ты же почти совсем заледенел, бедненький. Почему не ждал внутри? Ты письмо получил?

— Какое? — спросил Лейн, подхватывая ее чемодан. Темно-синий, с белой кожаной обвязкой — как полдюжины других, что как раз выносили из вагонов.

— Ты не *получил*? Я отправила в *среду*. О боже! Я даже сама на почту его отнесла...

— А, это. Да. Багажа больше нет? Что за книжка?

Фрэнни перевела взгляд на свою левую руку. Она держала книжицу в горохово-зеленом матерчатом переплете.

— Эта? Ой, это просто, — ответила она. Открыла сумочку, впихнула туда книжку и двинулась за Лейном по долгому перрону к стоянке такси. Взяла Лейна под руку и говорила сама *почти* всю дорогу — если не *всю*. Во-первых, что-то насчет платья в чемодане, которое нужно погладить. Сообщила, что купила очень миленький такой утюжок, как из кукольного домика, но забыла взять его с собой. Сказала, что, похоже, знала всего трех девушек в поезде — Марту Фаррар, Типпи Тиббетт и Элинор-как-то, с которой познакомилась сто лет назад, еще в интернате — в Экзетере или где-то. А все остальные в поезде, сказала Фрэнни, на вид очень такие Смиты, кроме двух абсолютно из Вассара и еще одной *абсолютнейше* из Беннингтона или Сары Лоуренс¹. Та, что из Бен-

¹ Академия Филлипса в Экзетере — одна из наиболее известных и престижных школ-интернатов, находится в штате Нью-Хэмпшир, основана в 1781 г. Колледж (Софии) Смит — престижный частный колледж высшей ступени преимущественно для женщин в г. Нортхэмптоне, штат Массачусетс, основан в 1871 г. Колледж Вассара — престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк, основан в 1861 г. как женский. Беннингтонский колледж — частный колледж высшей ступени в г. Беннингтоне, штат Вермонт, основан в 1925 г. как экспериментальный гуманитарный колледж для женщин. Колледж Сары Лоуренс — престижный частный колледж высшей ступени в г. Бронксвилле, пригороде Нью-Йорка, основан в 1926 г. как женский колледж.

нингтона-Сары-Лоуренс, как будто всю поездку просидела в сортире — лепила, рисовала или еще что-нибудь, или как будто у нее под платье трико надето. Лейн, шедший как-то слишком уж быстро, пожалел, что не вышло устроить Фрэнни в Крофт-Хаус — это, конечно, было безнадежно, — но он зато определил ее в такое славное уютное местечко. Маленькое, но там чисто и все такое. Ей понравится, сказал он, и Фрэнни мгновенно представились мебелишки, обшитые белой дранкой. В комнате три девушки, друг с другом не знакомые. Кто заселился первой, той и продавленная тахта, а остальным достанется двуспальная кровать с абсолютно невообразимым матрасом.

— Мило, — энергично сказала она. Иногда дьявольски трудно скрывать, как раздражает общая мужская неумелость, а в частности — неумелость Лейна. Ей вспомнился дождливый вечер в Нью-Йорке, сразу после театра, когда Лейн с подозрительным избытком тротуарного благородства позволил этому кошмарному дядьке в смокинге увести у себя из-под носа такси. Это-то еще ничего — то есть, *господи*, вот был бы ужас, если б она была мужчиной и ловила такси под дождем, — но она помнила этот кошмарный, очень злой взгляд, что Лейн бросил на нее, возвращаясь на свою тротуарную вахту. Теперь же, странно мучаясь от того, что вспомнила это и кое-что еще, Фрэнни пожалала локоть Лейна с напускной теплотой. Они сели в такси. Темно-синий чемодан с белой кожаной обвязкой отправился вперед, к водителю.

— Скинем там чемодан и прочее, прямо в дверях, а потом сходим поедим, — сказал Лейн. — Я помираю просто от голода. — Он подался вперед и сообщил водителю адрес.

— Ой как хорошо, что я приехала! — сказала Фрэнни, когда такси тронулось. — Я по тебе *сучала*. — Едва слова вылетели, она поняла, что вовсе не хотела так говорить.

И снова, угрызаясь, взяла Лейна за руку и туго, искренне сплела с ним пальцы.

Где-то через час оба сидели за сравнительно удаленным столиком в ресторане под названием «Сиклерз» — в центре, место крайне любимое главным образом интеллектуальной бахромой студенчества — более или менее теми же студентами колледжа, которые, учись они в Йеле или Гарварде, как-то слишком уж ненароком не устраивали бы свои свидания в «Мориз» или «Кронинз»¹. «Сиклерз», можно сказать, единственный ресторан в городе, где стейки не «*вот такенной* толщины»: большой и указательный палец разводятся при этом на дюйм. «Сиклерз» — строго Улитки. «Сиклерз» — место, где студент и его подруга либо заказывают салатик оба, либо — как правило — оба не заказывают из-за чесночного соуса. И Фрэнни, и Лейн пили мартини. Когда

¹ «Мориз» («Mory's Temple Bar») — частный клуб неподалеку от кампуса Йельского университета, основан в 1849 г. «Кронинз» («Cronin's Bar») — один из любимых баров гарвардских студентов, до конца 1950-х гг. располагался на Гарвард-сквер.